Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/HPRNKT
УДК 821.113.6.0 + 821.112.2.0
ББК 83.3(4Шве)5 + 83.3(4Гем)5

РЕЧИ ПОЛЬСКИХ ВОЕВОД В «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ МОСКОВСКОМ» ПЕТРА ПЕТРЕЯ

© 2026 г. М.Ю. Люстров
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 12 декабря 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 января 2026 г.
Дата публикации: 25 марта 2026 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-70-83

Аннотация: В статье рассматриваются речи польских вельмож и военачальников, включенные в состав шведской и немецкой версий «Истории о Великом Княжестве Московском» Петра Петрея. Возглавляя небольшое польское войско и оказавшись перед лицом многочисленных противников, Станислав Жолкевский и Ян Петр Сапега обращаются к угрожающим им оппонентам или к оробевшим польским солдатам и в своей речи противопоставляют настоящих воинов девкам или курам. В «Московской хронике» Конрада Буссова, ставшей одним из источников сочинения Петрея, девки фигурируют в речах обоих военачальников (у Буссова — не Жолкевского, а Гонсевского), однако в обеих книгах шведского автора Жолкевский заменяет их на кур, и причины этой замены в статье рассматриваются специально. Если в книге Петрея, составленной на шведском языке, бессильным существам противопоставляются «опытные и вооруженные воины» или «честно сражающиеся» солдаты, то в ее немецкой версии — воины и рыцари. В отличие от немецкой, в шведской книге Петрея ни Мнишек, ни Жолкевский, ни Сапега рыцарей и рыцарство не упоминают, и возможной причиной запрета на употребление ими этого слова являются известные шведам заявления поляков, шведских противников, о своей рыцарственности. При этом сам Петрей о рыцарственности польских (но не русских) воинов говорит неоднократно.

Ключевые слова: Петр Петрей, «Истории о Великом Княжестве Московском», речи, рыцарство, шведская литература XVII века

Информация об авторе: Михаил Юрьевич Люстров — доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий Отделом древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия. https://orcid.org/0000-0002-8475-0700

E-mail: mlustrov@mail.ru

Для цитирования: *Люстров М.Ю.* Речи польских воевод в «Истории о Великом Княжестве Московском» Петра Петрея // Studia Litterarum. 2026. Т. 11, № 1. С. 70–83. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-70-83

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

SPEECHES OF POLISH VOIVODES IN *THE HISTORY OF THE GRAND PRINCIPALITY OF MUSCOVY* BY PETER PETREIUS

© 2026. Mikhail Yu. Ljustrov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: December 12, 2025
Approved after reviewing: January 17, 2026
Date of publication: March 25, 2026

Abstract: The article examines the speeches of Polish magnates and military commanders included in the Swedish and German versions of *The History of the Grand Principality of Muscovy* by Peter Petreius. Commanding a small Polish force and finding themselves faced with numerous enemies, Stanisław Żółkiewski and Jan Piotr Sapieha address either their threatening opponents or their own frightened soldiers and, in their speeches, contrast true warriors with wenches or hens. In Conrad Bussow's *Muscovite Chronicle*, which became one of the sources for Petreius' work, the girls appear in the speeches of both military commanders (in Bussow's account, it is not Żółkiewski but Gosiewski). However, in both books by the Swedish author, Żółkiewski replaces them with hens, and the reasons for this substitution are examined in detail in the article. Whereas in Petreius' book written in Swedish, powerless creatures are contrasted with "experienced and armed warriors" or with soldiers "fighting honorably," in its German version they are contrasted with warriors and knights. Unlike the German version, in Petreius' Swedish book neither Mniszech, nor Żółkiewski, nor Sapieha mention knights or knighthood, and a possible reason for the prohibition on their use of this word is the well-known claim by the Poles, Sweden's adversaries, of their own knightly status. At the same time, Petreius himself repeatedly speaks of the chivalrous conduct of the Polish (but not the Russian) soldiers.

Keywords: Peter Petreius, *The History of the Grand Principality of Muscovy*, speeches, knighthood, 17th-century Swedish literature

Information about the author: Mikhail Yu. Ljustrov, DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of Old Slavic Literature Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq., 6, 125993 Moscow, Russia. https://orcid.org/0000-0002-8475-0700
E-mail: mlustrov@mail.ru

For citation: Ljustrov, M.Yu. "Speeches of Polish Voivodes in *The History of the Grand Principality of Muscovy* by Peter Petreius." *Studia Litterarum*, 2026, vol. 11, no. 1, pp. 70–83. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-70-83 (In Russ.)

Значительная часть рассказов о событиях Смутного времени, составленных европейскими авторами XVII в., представляет собой незатейливое перечисление фактов. В таких сочинениях герои — русские, поляки или шведы — не говорят ничего (как, например, во французском «Состоянии Российской державы» Жака Маржерета) или выступают относительно редко и чаще обмениваются письмами (как, например, в шведской «Истории десятилетней шведской войны в России» Юхана Видекинда). Подчас же названные автором участники событий активно общаются и обращаются друг к другу с короткими репликами или пространными речами: таким образом ведут себя герои польской «Истории Московской войны» Николая Мархоцкого или шведской «Истории о Великом Княжестве Московском» Петра Петрея. Примечательно, что опирающийся на книгу Петрея Видекинд приведенные в ней речи героев может игнорировать или сокращать: если в «Истории о Великом Княжестве Московском» обезглавивший Лжедмитрия II Петр Урусов обращается к убитому со словами «Я научу тебя, как топить и убивать татарских мурз и сажать их в башню и темницу и пороть кнутами, ты был не что иное, как плут, вор и предатель, и все же служили тебе верно» [7, с. 293], то в «Истории десятилетней шведской войны в России» произносит лишь: «Хватит тебе, плут и предатель, топить и убивать невиновных мурз» [1, с. 3–17]. Как известно, книга Петрея выходила в 1615 г. на шведском и в 1620 г. на немецком языках, и тексты эти не идентичны [2, с. 175–186; 3, s. 245–286]. Некоторым показательным отличиям шведских и немецких версий одних и тех же речей посвящена предлагаемая статья.

Включенные в состав «Истории о Великом Княжестве Московском» речи обязательно содержат привлекающее внимание аудитории и задающее

общий тон обращение, являются пространными, украшенными и эмоциональными монологами, нередко сопровождаются указанием самого Петрея на особое душевное состояние говорящего и довольно часто называются речами. К числу таковых относятся обращения Ивана Грозного к народу, герцогу Магнусу, сыну Ивану и замученным царем вельможам, русских «военных людей» к Грозному, народа и «малюток» к Борису Годунову, Станислава Жолкевского и Ежи Мнишка к москвичам, Яна Петра Сапеги к своим солдатам и т. д.

Судя по всему, наиболее активными ораторами, в представлении шведского автора, являются Иван Грозный, а также польские вельможи и военачальники. В речах зверски жестокого царя Ивана преобладают обращения оскорбительные: сына он называет «болваном и злонравным негодяем» (“Tu bängel och wanartige skalck” [15, s. 88]), Магнуса — «жалким ослом» (“Du älende aass” [15, s. 45]) или, в немецкой версии, «жалким ничтожеством» („du elender Tropff“ [14, p. 191]), правда, народ — «дорогими подданными» (“Käre Undersåter” [15, s. 68]). Польские же военачальники, как правило, вежливы и с братьями по оружию, и с оппонентами: в шведской версии книги Петрея Сапега называет подчиненных «дорогими друзьями и братьями» (“Käre wänner och bröder” [15, s.239]), Мнишек русских вельмож — «князьями и боярами» (“Knäsar och Bajorer” [15, s. 193]), Жолкевский в начале произошедшей в феврале 1611 г. перепалки с крайне раздраженными москвичами — кратко московитами. Примечательно, что в немецкой версии 1620 г. описания этого спора Жолкевский обращается к москвичам неоднократно и всякий раз подчеркнуто уважительно, называет их «дорогими господами» или «милостивыми государями» („Ey lieben Herrn“ [14, s. 32]). Вошедшие в немецкую и шведскую книги речи польских полководцев дают обильный материал для сопоставления и позволяют обнаружить некоторые требующие специального объяснения закономерности.

Из изданного в 1615 г. шведского текста Петрея следует, что победитель в битве под Клушином гетман Жолкевский вступает в Москву и на заявление тамошних жителей, что для расправы над немногочисленными поляками им хватит и шапок, отвечает, что шапками невозможно закидать даже кур, не говоря о храбрых, испытанных и вооруженных воинах, и если избиение 6000 кур — занятие бесконечно утомительное, то сама попытка справиться с 6000 отважных польских солдат абсурдна и обречена на не-

удачу[1]. Что речь здесь идет о курах, специально указывается в латинском комментарии на полях: “Gallinæ non occiduntur pileis, multo minus cataphracti & strenui milites” («Кур не убивают шапками, тем более закованных в броню и отважных воинов») [15, s. 24].

Очевидно, что в специальном толковании этот фрагмент не нуждается, ответ старающегося избежать конфликта Жолкевского на оскорбительный выпад безымянного москвича выглядит сдержанным и достойным. Между тем в изданном Н.Г. Устряловым переводе списка беровской редакции «Московской хроники» Конрада Буссова москвичи, по мнению польского наместника Гонсевского (а не Жолкевского, в которого он превращается в книге Петрея), не в состоянии забросать шапками не кур, а девок: «Нет братцы! Продолжал Наместник, колпаками и с девками не управитесь, и они вас утомят; чего же не сделают 6000 героев?» [10, с. 201]. В изданном же в 1961 г. русском переводе Аделунговского списка буссовской редакции 1613 г. Гонсевский отвечает оппонентам: «Любезные государи, войлочной шляпой не убьешь и девку, а не то что по-настоящему вооруженных героев и испытанных воинов. Устанете кидать и бросать в 6000 девок, а что же будет, если вы натолкнетесь на храбрость 6000 вооруженных воинов?» [4, с. 184][2]. В изданном в 1994 г. современном английском переводе «Московской хроники», при работе над которым канадский историк-славист Э. Орчард использовал немецкий текст, вошедший в издание 1961 г., и Вольфенбюттельский II список той же буссовской редакции 1613 г., говорится о невозможности указанным москвичом способом справиться со шлюхами[3].

1 “Höns låta sigh intet gärna kasta ihiäl medh myssor, myckit mindre tappre, försöchte och bewäpnade Krijgsmän, uppå 6000 höner skulle j kasta och slå idher trött, hwadh skal skee medh 6000 Manhafftige Krijgsmän...” [15, s. 24]. В русском переводе немецкой версии Петрея, выполненном А.Н. Шемякиным: «Милостивые государи, отвечал Жолкевский, и куриц не закидать вам до смерти шапками, а не то что храбрых, опытных в бою и хорошо вооруженных солдат. Вы замучитесь, бросавши и в 6000 куриц; что же будет вам делать с 6000 вооруженных и хорошо всем снабженных всадников и солдат?» [7, с. 21]. Немецкий текст — [14, p. 32].

2 Текст оригинала: „Er antwortete: Lieben Herren, es lassen sich mit Filz-hüten keine Huren (ich geschweige denn wahrhaftig, gewappnete Helden und wohlgeübte Kriegesleute) zu Tode werfen; auf 6000 Hünern soltet ihr euch müde werfen und schlagen, was solle denn wohl auf 6000 gerüsteter Kriegesleute Tapferkeit geschehen?“ [4, с. 320].

3 “He answered: Dear sirs, you could not even beat a whore to death with a felt hat, let alone well-armed heroes and well-trained soldiers. By all means cast and throw your felt hats at six thousand whores in vain, but what would happen if you came up against the valour of six thousand armed soldiers?” [11, p. 159].

В напечатанном же в Петербурге в 1851 г. Академическом списке «Московской хроники» в речи отвечающего русским поляка это слово признано непечатным и опущено[4].

Может показаться, что Петрей отказывается использовать грубую лексику и воспроизводить солдатскую брань, однако шлюх и их детей цитируемые им герои (как поляки, так и русские) вспоминают довольно часто. Настоящим воинам они (*шв.* "horror", *нем.* „Huren") противопоставляются в речи Сапеги, обращенной им к сражающимся с большой русской армией, не имеющим успеха и дрогнувшим полякам, фигурируют они (*шв.* "Du horinge", "horungar", *нем.* „Du huren Sohn", „HurenKinder") в обращении польского пахолика к русскому продавцу сена, в призывах русских 17 мая 1606 г. убивать поляков без всякой жалости или в ответе Рожинского Лжедмитрию [15, s. 239, 22, 189, 249; 14, p. 416, 29, 356, 427][5]. Судя по всему, приводя речь Жолкевского, Петрей смешивает близкие по написанию немецкие слова «шлюхи» и «куры»: в тексте Буссова фигурируют „Huren", „Hünern", в немецкой версии Петрея — „Hüner". Сложно сказать, по какой причине шведский автор изменяет текст немецкого источника, стремится ли к смягчению стиля, выражает ли особое отношение к парирующему обвинения «со скромностью» ("medh beskedeligheet" [15, s. 23]) Жолкевскому или допускает курьезную ошибку. В любом случае, по мысли польского полководца, заносчивые москвичи названным ими унизительным способом не смогли бы одолеть противников слабых и не способных к сопротивлению, будь то шлюхи или куры, в шведских пословицах XVII в. противопоставлявшиеся львам: «Курица своими крошками живет так же хорошо, как лев своей добычей» ("Hönan lefwer så wäl aff sitt kraffs, som Leyonet aff sitt roof") [12, s. 371].

Если Жолкевский в речи, приведенной Петреем в шведском издании 1615 г., противопоставляет курам храбрых воинов, то Сапега в своем обращении к оробевшим солдатам от противопоставления воздерживается: «лучше честно сражаться, чем бежать и позволить себя убить, как шлю-

4 „Lieben Herren, es lassen sich mit Filtz-Hüten keine … (так в оригинале. — *М.Л.*), ich geschweige dann wehrhafftige, gewapnete Helden und wohlgeübte Kriegs-Leute zu Tode werfen; auf 6000 … (так в оригинале. — *М.Л.*) sollet ihr euch müde schlagen. Was solte dann wohl auf 6000 wohlgerüsteten Kriegs-Leuten geschehen" [9, p. 123].

5 В переводе А.Н. Шемякина Сапега призывает своих солдат не позволить себя бить, «как трусливых непотребных женщин» [7, с. 271].

xy» (“thz är bättre ährligen strijda oc fächta än ryma och låta sigh slå som andra horror” [15, s. 239]). Между тем в речи Сапеги, помещенной в книгу Буссова, противопоставление содержится: в его изложении польский полководец утверждает, что в создавшейся ситуации «почетнее умереть, как рыцарь, чем дать убить себя, как трусливую девку» [4, с. 154]. Упоминаются рыцари и в немецкой версии книги Петрея: «...станем же лучше сражаться по-рыцарски...» [7, с. 271] („<...> es ist besser ritterlich gefochten <...>“ [14, p. 416]). Удалив же из речи Сапеги в ее шведском варианте слово рыцарь, Петрей использует его при описании последующих событий: воодушевленные речью военачальника поляки ударили на врагов «мужественно и рыцарственно» (“så manlighen och ridderlighen” [15, s. 239]). В свою очередь в немецкой версии 1620 г., услышав, что им надлежит сражаться как рыцарям, поляки атаковали неприятеля не «рыцарственно», а с «силой и бешенством» [7, с. 271] („mit solchen Eyffer und Furie“ [14, p. 417]). В этом описании сражения поляков Сапеги с многочисленными русскими рыцарственность и рыцари упоминаются обязательно, но лишь в книгах на немецком языке это слово употребляется самим польским военачальником. В шведском издании Петрей с рыцарственностью поляков не только соглашается, но на ней настаивает, правда, Сапеге говорить о ней не позволяет.

Речь Сапеги — не единственный случай употребления польскими вельможами и военачальниками слова «рыцарь» в немецком, но не в шведском варианте книги Петрея. Как следует из текста Буссова, укоряя москвичей, истребивших множество приглашенных на свадьбу Лжедмитрия поляков и при этом не сомневающихся в своей правоте, воевода Мнишек отмечает, что они в свое время благодарили поляков, их правителя «добросовестно сохранивших, хорошо воспитавших и помогших ему встать на ноги» [4, с. 125]. Шведская версия повторяет буссовскую практически дословно: поляки скрывающегося, а теперь объявленного самозванцем царевича «честно содержали, позволили получить воспитание и помогли встать на ноги» (“wij haffua honom så ährligen underhållit, uptuchta låtit och på fötterna hulpit”) [15, s. 194]. В немецкой же версии Петрея Мнишек напоминает москвичам об их былой благодарности за то, что поляки «держали его в таком почете и пышности, воспитали его во всех добродетелях и рыцарских упражнениях и поставили его на ноги» [7, с. 236] („wir jhn so ehrlich und prächtig gehalten, in aller Tugend und ritterlichen Thaten erzogen, und auff

die Füsse geholffen“ [14, p. 361]). Как и в рассказе о сражении под Троицким монастырем и выступлении Сапеги, в шведской книге о рыцарских занятиях Лжедмитрия говорит сам Петрей: по его сведениям, став слугой Адама Вишневецкого, самозванец «упражнялся во всех рыцарских играх, в фехтовании, в ристании[6], участвовал в турнирах и других состязаниях» (“<…> öfwade sigh uthi allehanda Ridderspel, medh fächtande, ringränande, tornerande och andra öffningar” [15, s. 127]). Сохраняется этот фрагмент и в немецком варианте книги Петрея: во время службы у Вишневецкого, «тот плут, который назвался Димитрием <…> упражнялся во всяких рыцарских играх, в фехтованьи, борьбе, в уменьи владеть копьем и примерных сражениях» [7, с. 188] („<…> ubete sich in allerley Ritterspiel, mit fechten, ringen, stechen, brechen und turnieren…“ [14, p. 286, 287]).

Замечание о рыцарских упражнениях Лжедмитрия — лишь одно из многочисленных отличий немецкой речи Мнишка от ее шведского аналога. Так, осуждая москвичей, просивших выдать Марину замуж за их государя, а после от этого государя отрекшихся и его убивших, в шведском варианте Мнишек выражается чрезвычайно лапидарно: «вы желали» (“I haffue begärat” [15, s. 194]); в немецком же издании 1620 г. — красноречиво: «Вы дружески заискивали и просили» [7, с. 236] („Ihr habet freundlich bey uns gesuchet und angehalten…“ [14, p. 361]). Напоминая оппонентам о миролюбии прибывших в Москву поляков, в шведской версии речи Мнишек говорит, что москвичи обошлись с ними как с «наиковарнейшими и злейшими врагами» (“aldraslemesta och argesta fiender” [15, s. 195]), в немецкой — «как с злейшими врагами, алчными до крови и убийства тиранами» [7, с. 236] („als die ärgsten Feinde, Mord = und blutdürstige Tyrannen“ [14, p. 362]).

Некоторые же разночтения носят, как представляется, принципиальный характер. Так, в немецком издании Петрея Мнишек спрашивает москвичей, не полагают ли они, что справедливый Господь оставит безнаказанным такое ужасное преступление, и утверждает, что дело поляков правое [7, с. 237] („wir haben eine gerechte Sache“ [14, p. 363]). Заявление о правом деле поляков в обеих книгах Петрея встречается неоднократно: например, в шведской (и буссовской) вариантах речи, произнесенной в фев-

6 Петрей имеет в виду конную игру, по условиям которой всадники должны подхватить или поразить подвешенное кольцо или некую фигуру. URL: https://www.saob.se/artikel/?seek=ring-r%C3%A4nna&pz=6#U_R1987_69876 (дата обращения: 21.12.2025).

рале 1611 г., Жолкевский говорит, что польское дело правое (“wij haffue een rättfärdigh saak” [15, s. 24]), в немецкой же версии 1620 г. — что правому делу помогает Бог («победа <...> только в руках Бога, который всегда помогает правому делу» [7, с. 20]; „Victoria <...> sondern allein in Gottes Hand, welcher allzeit der rechten Sachen beystehet“ [14, p. 31]). Можно предположить, что, как следует из речей польских вождей, борьба за правое дело является главным побудительным мотивом действий поляков. Между тем в шведском издании 1615 г. Мнишек ничего подобного не заявляет и в этой части своей обвинительной речи основное внимание уделяет неизбежности Божьего наказания вероломных обманщиков: в буссовской и шведской версиях Мнишек объявляет москвичам, что пролитая ими кровь невинных поляков вопиет к Богу о мести (“Thet uthgutna oskyldigha Blodh warder til Gudh om hämbd”) [15, s. 196]. В свою очередь в немецком издании 1620 г. библейская аллюзия отсутствует.

Многочисленные различия в шведском и немецком текстах Петрея заслуживают самого пристального внимания, нас же интересует лишь выявленное и, по всей видимости, не знающее исключений правило: в своих речах польские вельможи и военачальники не касаются рыцарской темы, если книга Петрея издана на шведском, и говорят о рыцарстве и рыцарях, если она издана на немецком языке. Объяснение этой зависимости кажется очевидным: в немецкой версии книги Петрея рыцарство и рыцари упоминаются значительно чаще, чем в шведской. Лишь в немецкой книге Петрея в титулатуре Якоба Делагарди присутствует слово «рыцарь» [15, s. 10; 14, p. 13] и неоднократно говорится о настоящей или мнимой рыцарственности немецких солдат, в то время как в шведском тексте последние сражаются за или против кого-то «мужественно», но не «по-рыцарски» („the hadhe manligen fächtat för theras Herre“ или “manlighen stridde moot sina fiender”) [15, s. 233, 101]. Вместе с тем, повторю, отсутствуя в шведской версии речей поляков, слова «рыцарь» и «рыцарство» появляются в описании событий, по поводу которых выступают польские ораторы: о рыцарской отваге едва не дрогнувших поляков и освоении Лжедмитрием рыцарского искусства шведский читатель узнает не из речей Сапеги и Мнишка, а из рассказов о сражении под Троицким монастырем и пребывании Лжедмитрия в Польше.

Возможной причиной отсутствия во включенных в шведский текст речах польских вельмож и военачальников рыцарской темы является из-

вестное шведским читателям представление противников поляков о своей рыцарственности. Рыцарством и рыцарями поляки называют себя, например, в изданных в Русской исторической библиотеке (1872, т. 1) «Отрывках дневника польского Сейма 1605 г., относящихся к Смутному времени», «Дневнике Иосифа Будилы» и «Походе царя Димитрия (самозванца) в Москву с Сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства» („<...> y z inszym rycerstwem“) [6]. «Юношеские рыцарские забавы» некоего «разумного» ротмистра упоминаются в изданной в 1613 г. поэме Яна Станиславского «Война Московская» [16, p. 19][7]. В своих записках о поляках-рыцарях много и часто говорит Сапега; сам же он называется рыцарем в посвященных ему стихотворных панегириках («Правдивый вождь и рыцарь, он отец Отчизны <...> зорко видел все, что нужно было любому рыцарскому делу <...> он юности года провел на службе рыцарской <...>» [8, p. 407]).

Показательный, но явно недостаточный для безусловного утверждения материал позволяет осторожно предположить, что в сочинениях начала XVII в. на шведском языке герои рассуждают о рыцарстве, рыцарях и рыцарском воспитании лишь в связи со шведами. Так, в изданной в 1614 г. пьесе Юхана Мессениуса “Blanckamäreta” о скончавшемся короле Швеции его сыновья говорят, что он велел наставлять их в вопросах добродетели и чести, а также «упражнять во всякой рыцарственности» (“Han har oss til dygdh och ähra / Låtet wäl tuchta och lähra, J alt ridderlighet öffua <...>” [13, s. 12]).

Заявлять же об этом может только швед, поляки такого права оказываются лишены. Например, в вышедшую в 1671 г. шведскую «Историю десятилетней шведской войны в России» и в вышедшую в 1672 г. латинскую «Историю десятилетней шведско-московитской войны» Видекинда включены многочисленные письма, депеши и донесения, в том числе составленное вскоре после битвы под Клушином письмо Жолкевского Делагарди. В русском переводе с латинского, изданном в 2000 г., польский военачальник пишет: «<...> я счел нужным обратиться к Вам с просьбой вспомнить об обещании, которое дали Вы вместе с другими командирами, подтвердив рыцарским словом и подписью, что больше не будете вмешиваться в моско-

7 О польском рыцарстве говорит и Буссов: по его словам, узнав, что король отказывается выплачивать жалование за службу Лжедмитрию, «все рыцарство из войска Сапеги и Рожинского отправило посольство в Калугу» [4, с. 166].

витские дела» [5, с. 145]. В латинском же источнике речь идет не о рыцарском, но о «добром воинском слове»: («<…> quod cum aliis Capitaneis bono verbo militari et stipulata manu confirmavit» [17, p. 196]), в шведской версии — о сохранении славы воина (“<…> ett uprichtigt och rättskaffens Krijgzmans beröm at behålla och conservera” [18, s. 241]).

В свою очередь по отношению к русским слова «рыцарь» и «рыцарский» Петрей не употребляет ни в шведской, ни в немецкой версиях своей книги. Лишь Конрад Буссов называет рыцарем Петра Басманова, и называет неоднократно: говоря о его назначении 16 апреля 1605 г. «главным военачальником», Буссов специально отмечает, что незадолго до этого царь Борис «сделал» Басманова «рыцарем» [4, с. 104], рассказывая о событиях 17 мая 1606 г., говорит, что Лжедмитрий отправил «верного рыцаря» Басманова выяснить причину «страшной тревоги и невероятного шума», и указывает, что вместе с Лжедмитрием был убит его «верный рыцарь Петр Басманов» [4, с. 121]. В шведской же книге Петрея Басманов — великокняжеский наместник (“ståthållare” [15, s. 142]), мужественный воин (“manhafftig Krijgzman” [15, s. 139]) или один из вернейших бояр Лжедмитрия (“en uth aff sina trognesta Bajorer” [15, s. 177]), в немецкой версии он царский камергер („Kämmerherrn Pieter Bosmanno“ [14, s. 342]). Правда, повторю, в отличие от немецкого, в шведском тексте Петрея рыцарями (будь то социальный статус или правила поведения) не называются и шведы, Делагарди и Горн.

В помещенных в книги Петрея речах польских вельмож и военачальников польские солдаты, столкнувшиеся со значительно их превосходящими силами вооруженных русских, противопоставляются существам беспомощным и трусливым, будь то девки или куры. Поляков же Жолкевский и Сапега называют храбрыми воинами (“tappre Krijgzmän” [15, s. 24]), всадниками и солдатами (“Reuter und Soldaten” [14, s. 32]), теми, кто способен внять призыву не терять присутствия духа и честно сражаться (“thz är bättre ährligen strijda oc fächta” [15, s. 239]), или, если речь идет о «рыцарских делах» и лишь в немецких текстах, — рыцарями. Если замена Петреем девок на кур сути высказывания не меняет и принципиальной не является, то отсутствие рыцарской темы в шведской версии польских речей выглядит не случайной и заслуживающей специального объяснения.

Список литературы

Исследования

1 *Люстров М.Ю.* Речь Петра Урусова в европейских сочинениях XVII века о Смуте // Летняя школа по русской литературе. 2025. Т. 21, № 1–2. С. 3–17. https://doi.org/10.48612/sum/2025-21-1-2-3-17

2 *Толстиков А.В.* Зачем переводить “Regni Muschovitici sciographia” Петра Петрея со шведского языка // Средние века. 2011. Т. 72, № 3–4. С. 175–186.

3 *Tarkiainen Kari.* Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie, in Lychnos. 1971–1972. Uppsala: Lärdomshistoriska samfundet, 1973. S. 245–283.

Источники

4 *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. 400 с.

5 *Видекинд Юхан.* История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 652 с.

6 Памятники, относящиеся ко Смутному времени. Извлечены из рукописей Императорской Публичной библиотеки и Главного штаба // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. 846 с.

7 [*Петрей Петр*] История о великом княжестве Московском, происхождении Великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / пер. с нем. А.Н. Шемякина. М.: В унив. тип. (Катков и К), 1867. 577 с.

8 [*Сапега Ян Петр*] Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / сост.: И.О. Тюменцев [и др.]; редкол.: И. Граля [и др.], [Рос. гос. архив древ. актов Росархив и др.]. М.; Варшава: Древлехранилище, 2012. 454 с.

9 Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею. Московския летописи Конрада Бусова и Петра Петрея. СПб.: Тип. Праца, 1851. Т. 1. 482 с.

10 Сказания современников о Димитрии Самозванце / [с предисл. Николая Устрялова]. СПб.: Тип. Имп. рос. акад., 1831. Ч. 1. 297 с.

11 *Bussow Conrad.* The Disturbed State of the Russian Realm / trans. and ed. by G. Edward Orchard. Montreal: McGill-Queen’s university press, 1994. 244 p.

12 *Grubbe Christofer Larsson.* Penu Proverbiale. Dhet är: Ett ymnigt förrådh aff allehanda Gambla och Nyia Swenska Ordseeder och Lähreſpråk. Deels genom långlig Observation antecknade. Linköping, 1665. 920 s.

13 *Messenius Johannes.* Blanckamäreta. Thet är En Sanfärdigh TRAGOEDIA Om the gruffuelighe Mordh, som Konungh Byrger, af Drotning Märetes tilskyndan på sine

Brödher: och Konungh Magnus Smeeck på sin Son, genom Drotningh Blanckes rådh och dådh, i Swerige fordom bedreffuo. Stocholm: Chr. Reusner, 1614. 68 s.

14 *Petreius Peter.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow mit dero schonen fruchtbaren Provincien und Herrschafften, Festungen, Sehlessern, Stadton, Flecken, Fischreichen, Wassern, Flusson, Stromen und Seen, wie auch von der reussischen Gressfursten Herkosmen, Regierung, Macht, Eminentz und Horrligkeit, vielfaltigen Kriegen, innerlichen Zwytrachton, biss sie zu einer Monarchi gewachsen. Leipzig: Typis Bauaricis, 1620. 696 p.

15 *Petreius Peter.* Regni Muschovitici sciographia. Thet är: Een wiss och egenteligh beskriffning om Rydzland... Stockholm: hoos Ignatium Meurer, 1615. 278 s.

16 *Stanisławski Jan.* Wojna moskiewska. [Zamość?], 1613. 47 p.

17 *Widekindi Johan.* Historia belli Sveco-Moscovitici Decennalis. Holmiæ: Apud Nicolaum Wankijf Reg. Typographum, 1672. 450 p.

18 *Widekindi Johan.* Thet Swenska i Ryssland tijo åhrs krijgz-historie. Stockholm: Vankijff, 1671. 960 p.

References

1 Liustrov, M.Iu. “Rech’ Petra Urusova v evropeiskikh sochineniiakh XVII veka o Smute” [“Peter Urusov’s Speech in European Writings of the 17th Century about the Time of Troubles”]. *Letniaia shkola po russkoi literature*, vol. 21, no. 1–2, 2025, pp. 3–17. https://doi.org/10.48612/sum/2025-21-1-2-3-17 (In Russ.)

2 Tolstikov, A.V. “Zachem perevodit’ ‘Regni Muschovitici sciographia’ Petra Petreia so shvedskogo iazyka” [“Why Translate Peter Petrei’s ‘Regni Muschovitici Sciographia’ from Swedish”]. *Srednie veka*, vol. 72, no. 3–4, 2011, pp. 175–186. (In Russ.)

3 Tarkiainen, Kari. *Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie, in Lychnos. 1971–1972.* Uppsala, Lärdomshistoriska samfundet, 1973, s. 245–283. (In Swedish)